

ИЗ ЖУРНАЛА «НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ»

Замечания на поэму «Руслан и Людмила»

в шести песнях, соч. А. Пушкина. 1820

Чрезвычайная легкость и плавность стихов — отменная версификация, составили бы существенное достоинство сего произведения, если бы пиитические красоты, в нем заключающиеся, не были перемешаны с низкими сравнениями, безобразным волшебством, сладострастными картинками и такими выражениями, которые оскорбляют хороший вкус. Поэт умел устлать для читателя путь цветами. Не спорю, что эта дорога послужит к обогащению нашей словесности; но она не поведет к образованию и облагородствованию вкуса. Черномор и все его братья и сестры свиты Вельзевула могут нравиться более грубому, необразованному народу. Должно отдать справедливость г. Пушкину: какую смело и роскошно рукой раскидывает он красоты поэзии! в стихах его то живость, то легкость — кажется, будто они выливались у него сами собою. Так велико и неприметно искусство! — Им одушевлены описываемые предметы, многие картины прекрасны. Все показывает в нем поэта. При всем том надобно жалеть, что дарование не избрало для себя более благородного и возвышенного предмета, а обратилось на такой, который мог занимать тогда только, когда *ум* и *знания* были еще в младенчестве. Кто бы подумал до появления сего произведения, что, при нынешнем состоянии просвещения, старинная сказка «Еруслан Лазаревич» найдет себе подражателей? Теперь можно надеяться, что у нас расплодятся и Бовы Королевичи и Ильи Муромцы. Не спорю, что такого рода повести в стихах могут нравиться — как и опера «Русалка»¹. Прекрасная музыка! прекрасные декорации!

Прочитав «Руслана и Людмилу», я думал было предложить подробный разбор сему повествованию; но в то же время оный появился и в «Сыне отечества»². И потому я ограничусь замеча-

ниями и не буду много говорить о содержании «Руслана». Прочитав его, всякий узнает. Не стану доказывать, можно ли назвать его поэмою: в новейшие времена всякий почти рассказ, где слог возвышается пред обыкновенным, называется поэмою, хотя прежде сие имя давали только тем произведениям, в коих описывались геройские подвиги касательно религии, нравственности или таких происшествий, которыми решилась судьба царств, где если не заключалось участия целого человечества, то по крайней мере какого-либо народа и где причины действий сверхъестественны *. В «Руслане» более грубое, простонародное волшебство, а не чудесное, которое составляет сущность поэмы. В нем чудеса без правдоподобия, которое есть основание, первый закон поэзии. Надобно если не знания, то чтобы вера делала происшествие возможным, а поэма «Руслан» показалась бы странною и для славян-язычников, и потому она справедливо названа в «Сыне отечества» *богатырскою*. Сохрани нас Боже от поэм карлов и пигмеев! Поэма «Руслан и Людмила» разделена на песни, написана яркими красками; но это все одна одежда. Я согласен с Д'Аламбертом, что главное в сочинении есть предмет и не должно даже делать разделений самого слога на высокий, средний и низкий. Предмет высокий и — краски будут возвышенны, и никакие блестящие красоты не придадут много цены и благородства малозначащему предмету. В какое платье не одень урод, все будет урод. «Телемак» Фенелона написан и прозою, но он всегда будет стоять выше многих поэм в стихах — выше «Руслана». Скажем об нем наше мнение.

Поэма «Руслан и Людмила» могла бы почесться народным старинным рассказом, если бы борода Черномора и голова брата его существовали хотя в изустных преданиях. Поэт сотворил их сам, подражая только оным, и представил никем не читанные и не слыханные чудеса. Он желал идти по следам Ариоста, но, не имея столь возвышенных дарований, вместо действия целого мира, который является у сего поэта-гения, изобразил четыре или пять лиц, сделал из всего чудесную смесь смешного с простонародным, нежным и разными картинами. Он редко возвышается. Один только *пустынник* у него великое лицо, и хотя представлен посторонним, но им движется все действие: жизнь его, открытие им *живой* и *мертвой* воды, которую он черпал в *девственных* волнах, — все останавливало мое внимание и заставляло ему удивляться. Руслан крепко спит, у него у сонного похищают Людми-

* Поэмы в смешном и прочих родах суть пародии; а дидактические — фальшивый род поэзии.

лу; он хорошо рубится с Рогдаем, когда еще не было причины к бою; они съехались, как и расстались, поехав оба искать Людмилу. Впрочем, Руслан томится, вздыхает и обнаруживает нежные чувства, как Селадон³. Без совета пустынного он, кажется, оставил бы Людмилу, и на свадебном с нею пиру он уже сердился и щипал себе усы; без помощи пустынного лежать бы ему убитым от Фарлафа. Он не опомнился с первого удара; три раза молодец-богатырь *в перчатках*, Фарлаф, вонзал в него хладную сталь. Самого Руслана один только великий подвиг — удар по щеке головы рукавицей; с бородою карла Черномора он, имея и чудесный меч, не мог вдруг сладить и только утомил его, державшись за бороду и таким образом летав с ним по воздуху: *превосходная картина!* Достоинство в то время и занятие Руслана: он щипал из бороды волосы. Чудесно — дух устает и предлагает сам себя в волю героя, которого носил в атмосфере. Таково главное лицо поэмы! Людмила — *мила*, особенно когда визжит и подымает кулак на Черномора. Рогдай не возбуждает никакого участия: он стоит, чтобы быть похищенным русалкой. Ратмир *прекрасен*, после как его омыли красавицы в русской бане. Лицо Фарлафа списано с натуры. Напрасно только поэт называет его героем доблестным, скромным среди мечей — это совсем не смешно; Фарлаф везде изображен по русской пословице: блудлив как кошка, а труслив как заяц. Ему покровительствует Наина — ведьма, которая превращается в *змея* и *кошку*. Противоборствующие силы Руслану представлены чрезвычайными. Какое гигантское воображение! Что за голова, что за борода?.. Надобно бы только припомнить известное послание Горация к Пизонам:

Когда маляр, в жару трудясь над картиной,
и проч.⁴

и еще правило в поэме: сверхъестественные силы надобно приводить в движение тогда только, как действие не может совершаться обыкновенными. Фантазия, вышедшая из границ, творит выродков. Не достойно ли критикуют в Виргилии, что он превратил флот в птиц⁵; в Мильтоне — сражение ангелов горами и то, что он втащил на небеса огромную пушку⁶; в Камюэнсе — что он заставил Бахуса читать литургию⁷; в Малербе — что он сравнивал слезы св. Петра с быстрым водопадом, а вздохи уподоблял разъяренному грому⁸; и в Шекспире — что у него плавал корабль при берегах Богемии?⁹ Не одни поэты подвергаются укоризне за упущение здравого смысла и правдоподобия — тоже и живописцы. Хорошо ли сделал Рафаэль, который одел св. Деву в платье итальянских крестьянок; Рембрандт, который ставил все-

гда польского всадника при кресте Спасителя; Тинторет, который вооружал ружьями израильтян, проходящих чрез Черное море? Можно ли похвалить находящуюся в аугсбургской церкви картину, где жена Ноя одета в богатое платье султанши и несет в ковчег на руках болонскую собачку?¹⁰ После сего не должно ли вооружаться правилами самого искусства, утвержденными образованным вкусом веков, против всех уродливостей, помещенных в «Руслане», и тем более что, кажется, сам поэт желал сообразоваться с правдоподобием. Он между необыкновенными героями своей поэмы поместил и историческое лицо: Великого князя Владимира — просветителя России. Всякий русский, всякий христианин при одном имени его исполняется чувств благоговения. Впрочем, хорошо, что он показывается только в первой и последней песнях поэмы. В начале он пирует, потом, узнав о похищении Людмилы, распаляется гневом и вопрошает с ужасным пламенным челом... сжалиться над стариком, а в конце при нем Киев, осажденный печенегами, и он, один оставшись близ дочери своей, молится и, наконец, после оживления ее, опять пирует. Ход поэмы «Руслан» довольно хорош. Одно лишь — поэт очень часто любит говорить о себе и обращаться то к красавицам, то к наставникам, то артистам и проч. — вот что замедляет и останавливает шествие его действия и препятствует единству. Я желал бы быть очарован, забыться — и в то же время поэт останавливает мои восторги, и вместо древности я узнаю, что живу в новейшие времена: несообразность делается видимою, и сверх того это развлекает внимание, уменьшает цену предметов.

Почитаю излишним входить в подробности и замечать несвойственность выражений и проч., и тем более что стихи в поэме вообще хороши, хотя между ими часто встречаются слабые и прозаические, каковы, напр<имер>:

В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.

Знай наших! *молвил он жестоко.*

Но наконец — дождался дня,
Давно предвиденного мною.

Однако жить еще возможно.

Все четверо выходят вместе.

Мысль о потерянной невесте...

И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Во мраке старой жизни вяну (*непонятно!*).

Супругу только сторожил.

Нас уверяет смело в том...

Руслан нас должен занимать.
 Руслан на луг жену слагает.
 Душевные движения кроя.
 Влача в душе печали бремя...
 Едва дышу; нет мочи боле...
 Сошлись — и *заварился* бой,
 и проч. и проч.

Мне остается теперь сказать только о цели поэмы. Автор говорит о ней в своем предисловии:

Ничьих не требуя похвал,
 Счастлив уж я надеждой сладкой,
 Что дева с трепетом любви
 Посмотрит, может быть, украдкой
 На песни грешные мои.

Нравиться прекрасным — цель хорошая и довольно трудная. Они одарены тонким вкусом. Самые их капризы и ветреность поставляют преграду в том, чтоб постоянно им нравиться. Но что возвышает их в собственном мнении? Что придает неизменяемую прелесть их красоте? Это невинность и скромность. Чистота нравов, нежность, чувствительность — вот чем преимущественно обладают красавицы. Если они любят, то в обожаемом предмете видят более нежели человека. Чувство высокой, нежной, истинной любви столь тесно соединено с добродетелью, что прекрасная перестает любить, когда перестает быть добродетельною. Искусство, которое желает нравиться прекрасным, должно развивать одни благородные чувствования и более всего не оскорблять их стыдливости. Автор «Руслана» мог бы нравиться нежностью. Он весьма искусен в описании разнообразных картин. Весьма жаль, что он слишком увлекся воображением: волшебство его более способно пугать. Ныне и дети мало читают персидские и арабские сказки, ибо не верят уже коврам-самолетам, а в «Руслане» чудеса столь же невероятны. Но еще более надобно сожалеть, что он представляет часто такие картины, при которых невозможно не краснеть и не потуплять взоров. Прекрасным ли читать такие описания и сравнения, каковы, например:

С порога хижины моей
 Так видел я средь летних дней,
 Когда за курицей трусливой
 Султан курятника спесивой,
 Петух мой по двору бежал
 И сладострастными крылами
 Уже подругу обнимал, *и проч.*

Или:

Вы знаете, что наша дева
 Была одета в эту ночь
По обстоятельствам, точь-в-точь
Как наша прабабушка Ева.
 Наряд невинный и простой!
 Наряд Амура и Природы!
 Как жаль, что вышел он из моды!¹¹

Или:

А девушке в семнадцать лет
 Какая шапка не пристанет!
 Рядиться никогда не лень:
 Людмила шапкой завертела;
 На брови, прямо, набекрень
 И задом наперед надела.
 (Чудесно!)

Или:

Что будет с бедною княжной?
 О страшный вид! Волшебник хилый
 Ласкает сморщенной рукой
 Младые прелести Людмилы;
 К ее пленительным устам
 Прильнув увядшими устами,
 Он, вопреки своим годам,
 Уж мыслит хладными трудами
 Сорвать с ней нежный, тайный цвет,
 Хранимый Лелем для другого.
 Уже¹².

В начале пятой песни следует сравнение Княжны с Дельфи-рою:

Скажите: можно ли сравнить
 Ее с Дельфиною суровой?
 Одной — судьба послала дар
 Обворожать сердца и взоры;
 Ее улыбка, разговоры
 Во мне любви рождают жар.
 А та — под юбкою гусар,
 Лишь дайте ей усы да шпоры!

Тогда как во Франции в конце минувшего столетия стали в великом множестве появляться подобные сему произведения, произошел не только упадок словесности, но и самой нравственности.

Пожелаем успеха нашей литературе и чтоб писатели и поэты избирали предметы, достойные своих дарований. Цель поэзии есть возвышение нашего духа — чистое удовольствие. Картины же сладострастия пленяют только грубые чувства. Они недостойны языка богов. Он должен возвещать нам о подвигах добродетели, возбуждать любовь к отечеству, геройство в несчастиях, пленять описанием невинных забав. Предмет поэзии — изящное. Изображая только оное, талант заслуживает дань справедливой похвалы и удивления.

